

HAL
open science

On the Textual History of the Book of Conversations by Archpriest Avvakum

Aleksandr Lavrov

► **To cite this version:**

Aleksandr Lavrov. On the Textual History of the Book of Conversations by Archpriest Avvakum. Quaterly Journal of Saint Philaret's Institute, 2020, 27, pp.11-20. 10.25803/SFI.2018.27.17707 . hal-03973532

HAL Id: hal-03973532

<https://hal.science/hal-03973532>

Submitted on 4 Feb 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

А. С. Лавров

К истории текста «Книги бесед» протопопа Аввакума

Статья посвящена одному из прижизненных сборников сочинений протопопа Аввакума, составленному самим автором — «Книге бесед». В отсутствие научного издания всего текста памятника многие вопросы — в том числе датировка отдельных бесед и всего сборника в целом — остаются открытыми. Привлечение нового списка первой беседы, сохранившегося в рукописи из собрания Е. В. Барсова (РГБ), позволяет выявить фрагменты текста, остающиеся до сих пор неопубликованными, которые дают возможность по-новому взглянуть на некоторые эпизоды преследований первых старообрядцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Книга бесед», старообрядчество, протопоп Аввакум, древнерусская литература; старообрядческие мартирологи.

Протопоп Аввакум привлекает внимание как абсолютный новатор в том, что касается автобиографического дискурса. Моя работа посвящена Аввакуму — полемисту и агиографу — но и здесь элемент новации присутствует в высшей мере. Как известно, русская агиография XVII в. отошла от темы мученичества за веру. Несмотря на то, что, по крайней мере, один русский епископ погиб от рук тех, кого он собирался обратить в православие, никакого текста, посвященного ему, создано так и не было. Тема мученичества за веру всегда присутствовала в древнерусской литературе, но она была обеспечена классическими общехристианскими текстами, анализ которых был дан уже в трудах Ипполита Делеэ [*Delehaye*].

В этом смысле творчество пустозерских узников (или анонимного автора «Жития Феодосии Морозовой») было разрывом и нововведением. Опираясь на традицию житий первых христианских мучеников, Аввакум и его собратья создали первые мартирологи старообрядчества. Эти тексты закрепили фрагментарные биографические данные о первых мучениках за старую веру, они создали новую литературную традицию. Тем самым они способствовали формированию нового типа святости, которого до тех пор не было в культуре Московской Руси.

Для того чтобы понять смысл и значение этой двойной, литературной и конфессиональной, новации, можно обратиться

к параллельному материалу — к первым протестантским мартирологам. Преследования, которым подвергались кальвинисты в различных странах католической Европы, вызвало формирование нарративов, которые очень напоминают наши: сначала собрания писем и документов мучеников, затем целых мартирологов¹. Конечно, здесь нужно отметить важную разницу — в то время как католический культ святых протестантами отвергался и порицался, почитание святых как бы влезало «в окно» в культурное пространство новой конфессии, тогда как старообрядцы, как принципиальные консерваторы, не имели серьезных претензий к культу святых в московском православии.

Среди подобных текстов протопопа Аввакума особое место занимает «Повѣсть о страдавшихъ въ России за древлецерковная благочестная предания», вошедшая, в качестве первой «беседы» в «Книгу бесед»². Перечень страдальцев за веру, который начинается «ревнителями благочестия», продолжается самим Аввакумом и его пустозерскими союзниками и заканчивается безымянными жертвами первых самоожжений, стал архетипом всех старообрядческих мартирологов. Большое количество имен, перечисленных в беседе, дает возможность для ее более или менее точной датировки. Подобная датировка — «конец 1674 г. (с сентября) — до 7 июля 1675 г.» — была предложена в работе И. В. Сесеикиной, выполнившей первое текстологическое исследование «Книги бесед». В качестве верхней даты исследовательница приняла казнь юродивого Киприана

1. См. подробнее: [Greengrass; Greengrass, Freeman].

2. «Повѣсть о страдавшихъ въ России...» была трижды издана в составе «Книги бесед». Первое издание, подготовленное Н. И. Субботиным, основывалось на рукописи № 257 из собрания А. И. Хлудова, варианты к которой были подведены по другой рукописи из того же собрания (№ 273) и по рукописи из собрания Е. В. Барсова (Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 5. Ч. 2 : Сочинения бывшего юрьеveckаго протопопа Аввакума Петрова. М. : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1879. С. 259 и сл.). Второе издание было осуществлено П. С. Смирновым и Я. Л. Барсковым, причем в качестве основного был выбран список из собрания П. Б. Богданова с подведением вариантов по рукописям из собрания В. Г. Дружинина, Рогожского кладбища и Румянцевского музея [РИБ]. Третье издание осуществлено было И. В. Сесеикиной, взявшей за основу Академический список, датированный

Н. Ю. Бубновым концом 1670-х — началом 1680-х гг. (Памятники литературы Древней Руси : XVII век. Кн. 2. М. : Художественная литература, 1989. С. 409–414 (текст), 661–666 (комментарий)). Выбор текста, сделанный И. В. Сесеикиной, нельзя не назвать наилучшим — Академический список был написан, возможно, еще при жизни пустозерских сидельцев. Несмотря на то, что он не является автографом, он не может содержать и каких-то апокрифических текстов, приписанных Аввакуму, так как распространение последних при жизни Аввакума очень маловероятно. В то же время представляется, что исследовательница видит в Академическом списке что-то вроде «последней авторской воли» (если использовать термин Б. В. Томашевского), отбрасывая все остальные варианты и редакции текста как позднейшие и неавторские. Представляется, что ситуация могла быть более сложной и что беловые версии книг могли формироваться помощниками Аввакума и не всегда могли просматриваться и авторизовываться самим протопопом.

(7 июля 1675 г.), упомянутую в первой беседе. При этом исследовательница сочла возможным отвести указание Аввакума на то, что Соловецкий монастырь в осаде «7 лет сидит», прямо указывающее на середину 1675 г. (осада началась в июле 1668 г.), сославшись на возможность округления Аввакумом «неполного числа лет» [*Сесекина*].

Согласиться с этой аргументацией, к сожалению, нельзя. Во-первых, никакими выкладками нельзя заменить прямое указание источника — если речь идет о том, что монастырь находится в осаде «семь лет», а не «седьмой год», то это указывает на июль 1675 г. или более позднее время. Во-вторых, исследовательница упустила важное датирующее указание — упомянутое в беседе сожжение в Боровске священника Полиевкта и других старообрядцев. Согласно датировке, предлагаемой А. И. Мазуниным, эта казнь произошла в «первых числах июля 1675 г.» [*Повесть*, 108]. В Пустозерске об этом событии могли узнать с опозданием на несколько недель. Если июль 1675 г. прямо-таки напрашивается в качестве нижней даты, то в качестве верхней следовало бы принять декабрь 1675 г. — время мученической смерти Феодосии Прокопьевны Морозовой, к которой Аввакум обращается в беседе как к воображаемой слушательнице [*Мальшев*, 314].

Особо следует остановиться на упоминании о юродивом Киприане, выбранном И. В. Сесекиной в качестве опорного датирующего элемента. На наш взгляд, этот рассказ несет печать явной хронологической несообразности. Следует процитировать его полностью:

И диакон Феодоръ, и Киприянь, нагие же, с нами мучатся. В тюрьме за православие же пытанъ в прошлом году [*БАН*. 45.6.7]³.

Согласно хронологии, предложенной Пьером Паскалем, Киприан был арестован «в начале 1675 г.» и после этого подвергнут пытке. После этого Киприан содержался под стражей вместе с пустозерскими узниками. В июле 1675 г. (7183 г.) Киприан был казнен [*Pascal*, 500–501; *Мальшев*, 313].

3. Очень важным здесь становится точный грамматический смысл фразы. В списке Богданова указано «мучится» (единственно число), что делает смысл фразы почти ясным — в таком случае, и «мучится», и «пытан» относятся к Киприану. В Академическом списке читаем «мучатся» (множественное число), что отсылает к Федору и Киприану, в

таком случае, не совсем ясно, кто именно пытан — Киприан или Федор? [*РИБ*. Стб. 248]. По не совсем понятной мне причине Я. Л. Барсков и П. С. Смирнов выделили «нагой» в запятых — получилось как бы упоминание о том, что Киприан в заключении лишен был одежды. На самом деле следовало бы писать «Киприан Нагой» с двух прописных букв.

Все эти обстоятельства делают фразу Аввакума по крайней мере неясной, если не просто несообразной. И арест, и пытка, и казнь Киприана падают на один и тот же 7183 г. Аввакум мог работать над своей беседой в июле 1675 г., при жизни Киприана, но тогда получалось бы, что Киприан действительно сидит вместе с пустозерскими узниками, но никак не получалось бы, что он пытан в прошлом (то есть 7182 г.), так как «прошлый год» (7182 г.) кончился 31 августа 1674 г., еще до ареста и пытки Киприана. Аввакум мог работать над своей беседой и в первых числах сентября, но тогда Киприана уже не было в живых, зато именно в первых числах сентября можно было сказать, что Киприан был пытан «в прошлом году». Таким образом, логичного решения нет, фраза безнадежно испорчена. Наиболее логичной гипотезой было бы предположение о пропущенной строке после слов «тюрьме за православие», после чего шло упоминание о еще одном страдальце, который и был пытан «в прошлом году»⁴.

Именно в связи с этим представляется важным исследовать список первой беседы, фрагмент которой сохранился в рукописи XVIII в. из собрания Е. В. Барсова; в ней спорного отрывка о Киприане вообще нет. Позволим себе сравнить два отрывка⁵:

И старец Соловецкой пустыни Епифаний, нагъ, в земле же сидит; два языка у него никонияна вырезали за исповѣдание вѣры, да и руку отсекли, да и паки ему третей язык Богъ даровал. И Лазарь попъ наг же, сидит в земли, казнен, говорить также. И диякон Феодоръ и Киприян, нагие же, с нами мучатся, в тюрьмѣ за православие же пытан в прошлом году. А Соловецкой монастырь в осадѣ семь лѣтъ от никониян сидеть [БАН. 45.6.7].

И старецъ Соловетцкия пустыни Епифанія нагъ в земле же сидит, два языка у него никонияня выризали за исповѣдание вѣры, да и руку отсекли, да

4. Здесь уместно перебрать все возможные варианты. Мы никак не можем предположить неинформированности — о казни Киприана, произошедшей в селении Ижма под Пустозерском, пустозерские сидельцы должны были узнать немедленно. Можно предположить, что фраза не принадлежит Аввакуму, но редактору его сочинений, работавшему в конце XVII — начале XVIII вв., который не имел перед собой монографий П. Паскаля и А. И. Мазунина и допустил очевидную для нас ошибку. Возможен и другой вариант — все «состав-

ные части» первой беседы принадлежат Аввакуму, но только их приведение в порядок и конечная компоновка текста была делом редактора.

5. Во избежание путаницы, следует сделать одно замечание. Цитируемая здесь рукопись — это не та рукопись из собрания Барсова, которая была использована Н. И. Субботиным при первом издании «Книги бесед» (номера которой он не называет). Цитируемая ниже рукопись содержит только текст первой беседы и привлекается к исследованию «Книги бесед» впервые.

и паки третѣи языкъ Богъ дал, и Лазарь погъ наг же сидитъ в земле казънены за вѣру Христову. А Соловѣцкой монастырь в осади был 7 лѣтъ [РГБ. Ф. 17: Собрание Е. В. Барсова. №167. Л. 3об.—4].

Как это часто бывает, возможны две интерпретации. С одной стороны, можно обратить внимание на то, что Соловецкий монастырь в Барсовском списке «был 7 лѣтъ» в осаде, что само по себе бессмысленно, так как осада длилась дольше. Напротив, в Академическом списке совершенно корректно указано, что монастырь находится в осаде уже седьмой год. Если предположить, что автор ведет отсчет от высадки отряда Волохова в июне 1668 г., то мы находим еще одно указание на время написания первой беседы — 1675 г. Можно предположить, таким образом, что редактор Барсовского списка сознательно удалял или переделывал все фрагменты, написанные в настоящем времени, чтобы приноровиться ко вкусам читателя XVIII в., и что жертвой подобной редакции и стал отрывок о диаконе Федоре Иванове и о юродивом Киприане. С другой стороны, равно возможно и предположение о том, что «испорченной» фразы о Киприане просто не было в первоначальном тексте и что она появилась в процессе редакторской работы (возможно, тогда, когда беседы сводились воедино в одну «Книгу»).

Для того чтобы лучше представить себе взаимоотношения двух текстов, сопоставим отрывок о преследовании «ревнителей благочестия» в барсовском списке и в опубликованном тексте:

БАН. 45.6.7 л.23-23об.

...епископа Павла Коломенскаго, муча, и въ Новгородскихъ предѣлѣхъ огнемъ сожег; Данила, Костромскаго протопопа, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьмѣ замориль; также стригъ, какъ и меня, во церкви, посредѣ народа; муромскаго протопопа Логина, — остригше, и муча, в Муромѣ сослал, тутъ и скончался, Гаврилу, священнику в Нижнѣмъ, приказаль главу отсѣчь; Михаила священника безъ вѣсти погубиль: за Тверскими служиль въ монастырѣ Богородичнѣ, и перевель к тюрьмѣ, да и не стало вдруг, двухъ священников, вологжан, безвѣстно же...

РГБ. Ф. 17: Собрание Е. В. Барсова. № 167 л.2об.-3

...епископа Павла Коломенскаго муча и в новгородскихъ пределахъ огнемъ сожегъ Данила Кострамскаго протопопа муча много и в Астрахани в земляной тюрьме замориль, мурамскаго протопопа Логина остригше и муча в Муромѣ сослалъ, и скончался в Муромѣ, Гавриилу священника в Нижнемъ приказал главу отсечь, Михаила священника безвѣстно же погубил двухъ священниковъ вологжанскихъ безвѣстно же погуби...

Очевидно, что Барсовский список содержит ряд испорченных мест — переписчик, будучи человеком XVIII в., не понял некоторых слов. Однако первоначальная структура текста кажется сохраненной им. В Барсовском списке текст имеет ясную, почти ритмическую структуру, достигаемую благодаря одним и тем же глагольным формам. Напротив, в опубликованном тексте он осложнен двумя дополнениями, сделанными от лица Аввакума. В первом случае он цитирует собственное «Житие», сравнивая себя с Логином Муромским, в другом — просто дает комментарии о московской церкви, в которой служил Михаил. Представляется, что сделать из опубликованного текста текст Барсовского списка невозможно — зато обратное превращение вполне допустимо. Речь могла идти и об авторских дополнениях к собственному тексту, которые диктовались переписчику, и о внесении в основной текст заметок на полях. Впрочем, оба последних предположения относятся к разряду гипотез.

Для решения вопроса о первичности или вторичности обоих текстов особенно интересным кажется сопоставление перечня последних преследований за старую веру в обоих списках:

БАН. 45.6.76. Л. 24об.–25

Старца Иону казанца в Коломскомъ разсѣкли на пятеро. На Колмогорах Ивана уродиваго сожги. Въ Боровскѣ Полиекта священника и с ним 14 человекъ; паки в том же Боровскѣ 30 человекъ сожгли. В Нижнем человекъ сожгли. В Володимере человекъ 6 сожгли. В Казани тритцеть человекъ сожгли. В Киевѣ стрѣльца Илариона сожгли.

РГБ. Ф. 17: Собрание Е. В. Барсова.

№ 167. Л. 4–4об.

Старца Иову казанца в Колском разсекли на петиро, на коль на горахъ Ивана оуродиваго сожгли. В Борвке Поличка священника и с нимъ 13 человекъ сожгли, в Володимирѣ 6 человекъ сожгли, в нижнем 6 человек сожгли.

На первый взгляд, Барсовский список «проигрывает» при сравнении. Инок Иона (Красенский), лицо довольно известное⁶, назван здесь «Иовом», что является явной опiskeй; с географическим названием «Холмогоры» переписчик просто не разобрался, полностью обесмыслив его. Но не выигрывает и Академический список, переписчики которого перепутали Кольский острог, в котором казнен был Иона, с подмосковным Коломенским (в тексте: «Коломском»). Кстати, именно эта ошибка, которая была очевидна для пустозерских узников, и свидетельствует о статусе Акаде-

6. О нем подробнее см.: [Pascal, 443–444].

мического списка — это рукопись, вышедшая из окружения протопопа, но не «свидетельствованная» им⁷.

Внимательный читатель уже заметил, что сообщение о сожжении стрельца Илариона в Киеве, присутствующее в Академическом списке, опущено в Барсовском списке. Дело в том, что этого аутодафе, скорее всего, просто не было. Все, что мы знаем об отношениях московских властей с их новым протектором, все, что известно о статусе Киева после Андрусовского перемирия, не позволяет предположить, что московские воеводы решились бы сжечь «раскольника» прямо перед окнами Киево-Могилянской академии. В крайнем случае, можно было бы предположить какую-то тайную экзекуцию, но сожжение в срубе или на костре имеет один важный недостаток: оно публично по определению. Можно привести и другие аргументы — например, стрелец Иларион отсутствует в Сводном старообрядческом синодике, составители которого были неплохо знакомы с корпусом произведений Аввакума. Как и все выкладки, касающиеся достоверности сведений текста, последнее замечание достаточно амбивалентно (и потому носит характер гипотезы). Можно сказать, что это непроверенное известие вкралось в первую версию беседы, а затем было опровергнуто — и поэтому вычеркнуто автором и редактором⁸.

Трудность связана еще и с тем, что в Барсовском списке с определенного момента — с упоминания о Феодосии Морозовой — начинается совершенно новый текст, не находящий никакого соответствия в опубликованном тексте. В опубликованном тексте содержится большая риторическая похвала Морозовой (именно эта похвала, в силу ее общего, риторического характера, попала под подозрение Габриэле Шайдеггер, предположившей, что текст не принадлежит Аввакуму) [*Scheidegger*]. В составе этой похвалы присутствует и замечание о том, что Морозова и Урусова оставили своих детей. В Барсовском списке эта похвала серьезно со-

7. Достоверность (или недостоверность) сообщений, содержащихся в том или ином варианте, обычно не является аргументом в пользу первичности (или вторичности) текста. Именно поэтому следующая заметка носит не доказательный, а сугубо факультативный характер.

8. Что же касается данных о числе замученных, то они, на первый взгляд, не дают прямых ключей к решению вопроса о первичности или вторичности того или другого текста. Академический список

кажется ближе к более раннему аввакумовскому произведению — «Посланию всей тысящи рабов Христовых»: «В Казани никониане 30 человекъ сожгли; въ Сибири толико же; во Владимирѣ 6, въ Боровскѣ 14 человекъ». Согласно Паскалю, послание было написано в начале 1674 г. [*Pascal, 443*]. Но и в этой датировке можно усомниться, потому что четырнадцать казненных в Боровске являются отсылкой к казни священника Поливекта в июле 1675 г.

кращена — но в ней появляется одна деталь, одна драгоценная подробность, которой нет в опубликованном тексте. Речь идет о походя брошенном автором упоминании о том, что восприемником Ивана Глебовича Морозова, сына боярыни Морозовой (и единственного наследника состояния бояр Морозовых), был царь Алексей Михайлович.

А самъ государь Алексей Михайловичъ у Феодосии Прокофьевны крести сына Иванушку [РГБ. Ф. 17: Собрание Е. В. Барсова. № 167. Л. 7].

Для большинства старообрядческих читателей XVIII в. это упоминание оставалось в значительной мере загадочным. В лучшем случае они могли увидеть в фигуре царя как восприемника свидетельство особой привилегированности Морозовых, их приближенности к царскому двору. На самом деле речь идет о довольно злом намеке: крестный отец, в обязанности которого входит забота о духовном пути крестника, не сохранил его жизни. В «Послании Морозовой», которое не было адресовано широкой публике, Аввакум выскажет свой упрек точнее: «опалою и гневом смерти напрасной предал» [РИБ. Стб. 926]. Заметим, что в судьбе морозовских вотчин Иван Глебович был настолько ключевой фигурой, что Аввакум, наверняка, не был единственным из современников, не веривших в то, что смерть этого юноши была естественной. Согласно П. В. Седову, собравшему исключительно полные данные о И. Г. Морозове, он умер до 23 января 1672 г. [Седов]⁹. Очевидно, что смерть сына боярыни Морозовой, случившаяся при невыясненных обстоятельствах, вскоре была отодвинута другими событиями, в которых роль московских властей выступала гораздо более ясно и недвусмысленно. Упоминание о «сыне Иванушке» в Барсовском списке — это злободневный намек, понятный лишь части читателей. Аввакум хочет сказать, что царь дал погибнуть своему крестнику.

Если мы примем предположение о том, что Барсовский список восходит к более раннему варианту текста первой беседы, то гораздо более понятной станет разница в образах Феодосии Прокопьевны и Ивана Глебовича Морозовых. В Барсовском списке довольно сдержанно говорится о решительности боярыни,

9. См. также рецензию автора: [Rec.:] P. V. Sedov. Zakat moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII veka // Cahiers du monde russe et soviétique. 2007. 48/4. P. 671–678.

поставившей под угрозу свое привилегированное положение. Это полностью соответствует ситуации после 1672 г., когда Морозова, Урусова и Данилова только что были арестованы и никто не мог предсказать, как они поведут себя в дальнейшем. Напротив, развернутый панегирик в опубликованной редакции первой беседы — ясное указание на 1675 г., когда было совершенно ясно, что гнев царя не сменится на милость, что занятые позиции окончательны.

Совершенно различны и литературные особенности двух редакций. Редакция, сохранившаяся в Барсовском списке, представляет три темы, каждая из которых логично переходит в другую — это первые мученики старообрядчества; затем, это обращение к своей «душе», которой нечего терять по сравнению со знатными «боярами», оставшимися верными «старой вере»; наконец, общее рассуждение о том, можно ли сохранить свою веру, находясь под пристальным взглядом церковных и светских властей (отметим при этом, что в Барсовском списке начало текста дефектно, а окончание не дошло до нас). Совершенно иной представляется структура и организация текста в опубликованной редакции. Вслед за рассказом о первых мучениках старообрядчества следует панегирик Морозовой, Даниловой и Урусовой, сопровождающийся обращением к «своей душе», а затем следуют евангельские и святоотеческие цитаты с краткими пояснениями Аввакума. Благодаря длинным цитатам, посвященным выбору правильного пути в «мире», вся третья часть опубликованной редакции кажется скорее подготовительным, нежели окончательным вариантом текста.

Источники и литература

1. *Малышев* = Малышев В. И. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» // Древнерусская книжность : По материалам Пушкинского Дома : Сборник научных трудов. Л. : Наука, 1985. С. 277–322.
2. *Повесть* = Повесть о боярыне Морозовой / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; Подгот. текста и исслед. А. И. Мазунина. Л. : Наука, 1979. 226 с., 2 л. ил.
3. *РИБ* = Русская историческая библиотека. Т. 39 : Памятники истории старообрядчества XVII в. : Кн. 1 : Вып. 1. Л. : Академия наук СССР, 1927. С. 245–258.
4. *Седов* = Седов П. В. Закат Московского царства : Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.

5. *Cesейкина* = Сесе́йкина И. В. «Книга бесед» Аввакума — памятник полемической литературы второй половины XVII века : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1991. 16 с.
6. *Delehayе* = Delehayе Н. Les passions des martyrs et les genres littéraires. 2me éd., revue et corrigée. Bruxelles : Société des Bollandistes, 1966. 332 p.
7. *Greengrass* = Greengrass M. Scribal Networks and Sustainers in Protestant Martyrology // Debating the Faith : Religion and Letter Writing in Great Britain, 1500–1800 / Eds. A. Dunan-Page, C. Prunier. Dordrecht, 2012. P. 9–35 .
8. *Greengrass, Freeman* = Greengrass M., Freeman T. Scribal Communication and Scribal Publication in early Calvinism: the evidence of the letters of the martyrs // Calvin und Calvinismus : Europäische Perspektiven / Eds. I. Dingel, H. J. Selderhuis. Göttingen, 2011. P. 394–418.
9. *Pascal* = Pascal P. Avvakum et les débuts du Raskol. Paris : Mouton, 1969. 623 p.
10. *Scheidegger* = Scheidegger G. Endzeit : Russland am Ende des 17. Jahrhunderts. Bern ; New York : P. Lang, 1999. 409 p. (Slavica Helvetica; bd. 63).

Список сокращений

БАН	Библиотека Российской академии наук
РГБ	Российская государственная библиотека

A. S. Lavrov

On the Textual History of the Book of Conversations by Archpriest Avvakum

The article discusses *the Book of Conversations*, one of the lifetime collections of the writings by Archpriest Avvakum, compiled by the author himself. In default of a scholarly publication of the entire text, many questions remain open, such as establishing the dates of each conversation and of the collection as a whole. Analysing the new version of the first conversation, preserved in the manuscript from E. V. Barsov's collection (the Russian State Library), makes it possible to identify the fragments of the text remaining unpublished up until now. These permit to take a fresh look at some episodes of persecution of early Old Believers.

KEYWORDS: Book of Conversations, Old Believers, Archpriest Avvakum, Old Russian literature, Old Believers martyrologies.